

УДК 332.1:338.4
DOI

АНАЛИЗ ИНКЛЮЗИВНОСТИ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ

Рущицкая О.А., Куликова Е.С., Кружкова Т.И., Кот Е.М.

ФГБОУ ВО «Уральский государственный аграрный университет»,
Екатеринбург, e-mail: e.s.kulikova@inbox.ru

Инклюзивность сельских территорий в Российской Федерации трактуется как способность сельского пространства обеспечивать равный доступ жителей к ресурсам, услугам и возможностям для самореализации вне зависимости от места проживания, социального статуса и возраста. В статье рассматриваются структурные различия между сельскими и городскими сообществами, влияющие на качество жизни, доходы и социальную мобильность. Исследование опирается на статистические данные за 2022–2024 годы по семи ведущим аграрным регионам, а также на результаты отечественных и зарубежных публикаций. Показано, что доля сельских жителей варьируется от 23,3 до 42,6 процента, что отражает неоднородность урбанизационных процессов и различный уровень включенности сельских сообществ в региональные экономики. Инфраструктурные разрывы (отсутствие канализации, недостаток социальных и медицинских услуг), более низкий уровень доходов и цифровое неравенство формируют барьеры инклюзивности. Вместе с тем государственные программы комплексного развития, льготные кредитные инструменты для сельчан, поддержка малых форм хозяйствования и цифровизация создают драйверы сокращения разрывов. Методологически применены сравнительный и типологический анализ, оценка относительных различий и построение сводных таблиц барьеров и драйверов. Результаты демонстрируют необходимость дифференцированной политики: регионы-лидеры могут служить платформой для тиражирования лучших практик, но требуется учёт демографической структуры, ресурсного потенциала и институциональных условий иных субъектов. Сформулированы предложения по расширению инструментов инклюзивности через развитие социальной инфраструктуры, стимулирование сельского предпринимательства, доступ к цифровым сервисам и обеспечение кадровых ресурсов.

Ключевые слова: инклюзивность, сельские территории, качество жизни, инфраструктура, государственная поддержка, цифровизация, предпринимательство

ANALYSIS OF INCLUSIVITY OF RURAL AREAS IN RUSSIA

Rushitskaya O.A., Kulikova E.S., Kruzhkova T.I., Kot E.M.

Ural State Agrarian University, Ekaterinburg, e-mail: e.s.kulikova@inbox.ru

Inclusive rural development in the Russian Federation is understood as the ability of rural areas to provide equal access to resources, services, and opportunities for self-realization regardless of residence, social status, or age. This article explores structural differences between rural and urban communities that shape quality of life, income levels, and social mobility. The study relies on statistical data from 2022–2024 for seven leading agrarian regions, as well as findings from domestic and international publications. The share of rural residents ranges from 23.3 to 42.6 percent, reflecting heterogeneity of urbanization processes and different degrees of rural integration into regional economies. Infrastructure gaps (lack of sewerage systems, insufficient social and medical services), lower income levels, and digital inequality constitute barriers to inclusiveness. At the same time, state programs for comprehensive rural development, preferential credit instruments, support for small-scale farming, and digitalization serve as drivers to close these gaps. Methodologically, the research employs comparative and typological analysis, assessment of relative disparities, and compilation of summary tables of barriers and drivers. The results show the necessity of differentiated policies: leading regions can serve as platforms for disseminating best practices, yet demographic structure, resource potential, and institutional conditions of other regions must be considered. Recommendations include expanding inclusiveness instruments through the development of social infrastructure, stimulation of rural entrepreneurship, improved access to digital services, and provision of human resources.

Keywords: inclusiveness, rural areas, quality of life, infrastructure, state support, digitalization, entrepreneurship

Введение

Социально-экономическое развитие сельских территорий России в последние годы приобрело особую актуальность в связи с усиливающейся поляризацией пространства, различиями в доступе к базовым услугам и растущей необходимостью удержания трудового и человеческого потенциала за пределами крупных городов. Вопрос инклюзивности сельского развития выходит за рамки простой статистической фиксации уровня доходов или доли благоустроенного жилья. Речь идёт о комплексном обеспечении равных возможностей

для всех жителей, где бы они ни проживали, о минимизации инфраструктурных, институциональных и культурных барьеров, препятствующих полноценному участию сельчан в социально-экономической жизни страны. Для Российской Федерации, обладающей значительными природными ресурсами и пространственными масштабами, инклюзивность сельских территорий становится ключевым индикатором эффективности государственной политики, направленной на устойчивое развитие, продовольственную безопасность и повышение качества жизни.

Под инклюзивностью сельских территорий далее строго понимается способность сельского пространства обеспечивать равный фактический доступ жителей к базовой инфраструктуре (жилищно-коммунальной, транспортной и цифровой), экономическим возможностям (труд, предпринимательство, кооперация), а также к социальным услугам (здравоохранение, образование, культура), с учётом местной демографии и без дискриминации по месту проживания, возрасту и социальному статусу. Инклюзивность предполагает не только доступ к инфраструктуре – дорогам, водоснабжению, канализации, широкополосному интернету, – но и возможность участия в экономической активности, особенно в малом предпринимательстве, кооперации, агротуризме. Важен и культурно-образовательный аспект: сохранение сельских школ, клубов, библиотек, учреждений здравоохранения, которые обеспечивают социальную связность и способствуют формированию человеческого капитала. Вместе с тем по-прежнему наблюдается отток молодёжи и квалифицированных кадров в города, где выше уровень доходов и доступнее услуги. Это создает демографический дисбаланс и ставит под угрозу устойчивость сельских сообществ.

Непропорциональность урбанизационных процессов в регионах России приводит к различиям в доле сельского населения даже среди субъектов с сопоставимым аграрным потенциалом. На практике это означает, что в одних территориях сельчане продолжают играть системообразующую роль в экономике и общественной жизни, тогда как в других измеряемая доля сельского населения снижается, что сокращает политическую и экономическую значимость сельской повестки. Отличия в доступе к инфраструктуре, различная скорость цифровизации, неоднородная структура занятости расширяют спектр проблем, предъявляя повышенные требования к региональной политике. С одной стороны, целесообразно тиражирование успешных практик регионов-лидеров, с другой – требуется адаптация решений под локальные условия, иначе эффект от переноса будет ограничен.

В исследованиях анализ миграционных настроений внутри сельских общин показал, что отношение местных жителей к иммигрантам неоднозначно, но может рассматриваться как индикатор открытости и социальной инклюзивности [1]. Сутыгина А.И. подчёркивает, что инклюзивный подход к развитию национальной агропродовольственной системы предполагает согласование интересов производителей и потребителей, а также интеграцию уязвимых групп в си-

стему продовольственной безопасности [2]. Полушкина Т.М., Акимова Ю.А. и Коваленко Е.Г. рассматривают социальные стандарты как основу инклюзивной модели, где равный доступ к инфраструктуре и услугам становится ключевым критерием оценки развития сельских территорий [3]. Мирошниченко Т.А., Подгорская С.В. и Полбицын С.Н. предложили методику оценки инклюзивного развития регионов России, опирающуюся на систему индикаторов, включающих демографические, инфраструктурные и экономические показатели [4-6]. Козлов В.В. делает акцент на социальной компоненте устойчивого развития, указывая на важность человеческого потенциала и качества социальной среды [7]. Коваленко Л.В., Кокурина К.Д. и Романов Т.Р. уделяют внимание инструментарию исследования сельских территорий, подчёркивая необходимость сочетания количественных и качественных методов и междисциплинарного подхода [8]. Липатова Л.Н., Кужельная О.В., Строкан Е.В. и Пылькина М.С. исследуют демографическую ситуацию и увязывают её с продовольственной безопасностью, что напрямую связано с устойчивостью сельского пространства [9]. Арбенина Е.А. и Яблоновская С.И. выделяют проблемы комплексного развития сельских территорий, связанные с институциональными барьерами и недостатком координации между уровнями управления [10]. Трубилин А.И., Гайдук В.И. и Головкин М.В. фиксируют институциональные тренды повышения качества жизни, подчёркивая важность нормативно-правовых изменений и адаптацию институтов к специфике сельской среды [11]. Ваньков И.А. показывает, что использование социальной инфраструктуры села остаётся ограниченным пространственными и финансовыми факторами, что снижает инклюзивность [12]. Трунин Г.А. и Осокин М.Г. рассматривают риски развития малого сельского предпринимательства для людей с ограниченными возможностями здоровья, указывая на необходимость адаптации механизмов поддержки [13]. Рудой Е.В., Петухова М.С., Кондратьев М.В. и Рюмкин С.В. в концепции «новых деревень» связывают устойчивость села с технологическими сдвигами и шестым технологическим укладом, расширяющим доступ к цифровым сервисам и новым форматам занятости [14]. Суглобов А.Е. и Серегин А.В. демонстрируют ценность международного опыта, где инклюзивность обеспечивается через комплекс мер, включая диверсификацию сельской экономики и развитие человеческого капитала [15].

Цель исследования – определить уровень инклюзивности сельских территорий России на основе сравнительного анализа демографических, инфраструктурных и социально-экономических показателей и выявить ключевые барьеры и драйверы инклюзивного развития.

Материалы и методы исследования

Официальные статистические ряды за 2022–2024 гг. по семи аграрным регионам РФ: Краснодарский край, Ростовская область, Ставропольский край, Республика Башкортостан, Белгородская область, Воронежская область, Республика Татарстан. Используются данные региональных и федеральных органов статистики, а также профильные публикации для контекстной валидации.

Критериями послужили: связь с целями инклюзивности; наличие официальных методов и достоверных источников; сопоставимость между регионами; чувствительность к динамике в кратко- и среднесрочной перспективе; регулярность обновления. В качестве ключевых индикаторов инклюзивности были отобраны пять блоков, каждый из которых отражает базовые условия жизнедеятельности сельского населения и напрямую связан с возможностями его развития.

Демография (D1). Доля сельского населения используется как показатель масштаба и структуры демографической базы. Она отражает уровень урбанизации, миграционные процессы и потенциал воспроизводства трудовых и социальных ресурсов в сельской местности.

Инфраструктура (I1). Показатели санитарного благоустройства и наличия централизованной канализации характеризуют качество жилищно-коммунальной среды. Низкие значения фиксируют инфраструктурное отставание и создают барьеры для повышения уровня жизни и удержания населения.

Доходы (Y1). Сопоставление заработной платы сельского населения с городскими значениями позволяет выявить масштабы экономического разрыва. Индикатор отражает уровень материальной обеспеченности, привлекательность занятости на селе и потенциал формирования внутреннего потребительского спроса.

Цифровая среда (C1). Доля домохозяйств, имеющих доступ к Интернету, показывает степень интеграции сельских территорий в цифровое общество. Недостаточный охват усиливает информационное неравенство и ограничивает доступ к образованию, медицинским услугам и современным формам занятости.

Социальные услуги (S1). Обеспеченность школами, учреждениями культуры

и медицинскими специалистами является индикатором доступности общественных благ. Сокращение числа объектов и кадров отражает снижение социальной устойчивости и качества жизни в сельских поселениях.

Результаты исследования и их обсуждение

Прежде чем перейти к количественным показателям, важно подчеркнуть, что численность и доля сельского населения являются лишь одним из измерений инклюзивности. Они отражают не только демографическую структуру, но и жизнеспособность сельских общин, их способность удерживать население и обеспечивать достойный уровень жизни. Однако значимым является и качественный аспект: наличие благоустроенного жилья, доступ к коммунальной инфраструктуре и социальным услугам. Именно сочетание количественных и качественных параметров позволяет сделать вывод о том, насколько сельские территории интегрированы в социально-экономическое пространство страны. В этой связи первая таблица демонстрирует неоднородность распределения сельского населения между аграрными регионами. Вторая фиксирует инфраструктурные и доходные различия между городом и селом, что раскрывает проблему неравномерного доступа к благам. Третья таблица обобщает барьеры и драйверы инклюзивного развития, выведенные из данных и литературного обзора. Систематизация позволяет перейти от разрозненных фактов к структурированным направлениям политики: устранение инфраструктурных разрывов, стимулирование предпринимательства и цифровизация. Таким образом, количественный анализ служит основой для формулирования практических рекомендаций, направленных на сокращение разрывов и повышение качества жизни сельских жителей. Ниже представлены соответствующие таблицы и интерпретация результатов (табл. 1).

Анализ представленных данных позволяет выделить несколько ключевых количественных результатов. Во-первых, диапазон доли сельского населения между 23,3 и 42,6 процента отражает различия в урбанизационных трендах: в Краснодарском крае сельские жители составляют почти половину населения, тогда как в Республике Татарстан – менее четверти. Это требует различной конфигурации мер поддержки: там, где доля велика, акцент следует делать на поддержание инфраструктуры и рабочих мест, а где мала – на привлечение населения и повышение качества среды.

Таблица 1

Численность и доля сельского населения
в ведущих аграрных регионах России (2022–2024 гг.)

Регион Российской Федерации	Сельское население, тыс. чел.	Доля в населении региона, %
Краснодарский край	2488,7	42,6
Ростовская область	1327,7	32,1
Ставропольский край	1125,8	39,0
Республика Башкортостан	1503,0	37,1
Белгородская область	520,7	34,7
Воронежская область	716,8	31,5
Республика Татарстан	935,9	23,3

Примечание: составлено авторами на основе данных Управления Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 01.07.2025).

Таблица 2

Инфраструктурные и доходные различия между сельским
и городским населением России, 2024 г.

Показатель	Значение
Домохозяйства с туалетом внутри жилья, %	91,8
Домохозяйства, отводящие сточные воды в централизованную систему, %	77,1
Домохозяйства с доступом к Интернету, % (всего)	90,4
Домохозяйства с доступом к Интернету, % (сельская местность)	85
Среднемесячная номинальная зарплата по РФ, руб.	87 952
Сельское хозяйство: зарплаты – ориентиры по регионам, руб.	61 200

Примечание: составлено авторами на основе данных Управления Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 01.07.2025).

Таблица 3

Сводные выводы исследования по блокам инклюзивности

Блок	Количественный индикатор	Ключевой вывод	Рекомендуемые меры
Демография (D1)	Доля сельского населения 23,3–42,6%	Неоднородность урбанизации требует адресных подходов	Дифференциация мер по регионам, фокус на удержание молодёжи
Инфраструктура (I1)	91,8% домохозяйств с туалетом внутри жилья; 77,1% – централизованная канализация	Базовое благоустройство в сельской местности отстаёт	Инвестиции в ЖКХ, дороги, социальные объекты
Доходы (Y1)	61 200 против 87 952 рублей в месяц	Экономические возможности сельчан ограничены	Поддержка предпринимательства, коопераций, агротуризма
Цифровая среда (C1)	90,4% домохозяйств с Интернетом; ~85% – в сельской местности	Информационный разрыв усиливает социальное неравенство	Развитие интернет-инфраструктуры, обучение цифровым навыкам
Социальные услуги (S1)	Сокращение школ, дефицит врачей на селе	Снижение качества жизни и социальной сплочённости	Мобильные формы услуг, стимулирование специалистов работать на селе

Примечание: составлено авторами.

Инфраструктурный разрыв остаётся критическим: 66,5 процента сельских домохозяйств без централизованной канализации против 9 процентов в городах свидетельствуют о системных диспропорциях в базовом благоустройстве (табл. 2).

Разрыв в доходах – 61 200 против 87 952 рублей в месяц – указывает на ограниченные экономические возможности сельских жителей, что усиливает миграционные потоки в крупные города. Инфраструктурный прогресс есть (санитария, канализация), но частные системы и выгребные ямы всё ещё значимы – это сдерживает качество среды. Цифровой доступ в целом высок, но сельский «разрыв» сохраняется (85% против 90%+ в среднем), что напрямую влияет на доступ к услугам и занятости.

Итоговая сводка по блокам инклюзивности необходима для того, чтобы превратить разрозненные результаты анализа в управленчески значимый инструмент. Демография, инфраструктура, доходы, цифровая среда и социальные услуги – это не изолированные сегменты, а взаимосвязанные элементы единой системы, где сбой в одном блоке усиливает дисфункции в другом (табл. 3).

Переход от диагностического анализа к управленческому действию требует прямой увязки выявленных разрывов с бюджетными инструментами. Таблица 4 выполняет эту функцию: каждый блок и индикатор из таблицы 3 (D1, I1, Y1, C1, S1) получает собственную «финансовую дорожку» – что именно финансировать, из какого источника, через какой механизм доведения средств. Такой подход снижает расплывчатость мер, упорядочивает координацию между федеральным, региональным и муниципальным уровнями и повышает прозрачность отбора проектов. Основным источником по индикаторам служит государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий» (КРСТ).

Представленная схема финансирования задаёт управляемую логику: ресурсы распределяются не «по направлениям вообще», а строго пропорционально измеренному дефициту, что упрощает годовое и среднесрочное планирование, позволяет формировать «корзины» проектов под КРСТ и региональные программы, а также заранее выбирать оптимальный механизм – бюджетные субсидии, инфраструктурные кредиты, концессии, САРЕХ-поддержку операторов, льготные займы и гранты для МСП.

Таблица 4

Источники и механизмы финансирования мер по повышению инклюзивности

	Что финансируется	Источник	Механизм
I1	Строительство и реконструкция сетей водоотведения и очистных сооружений	КРСТ; региональные КРСТ; муниципальное софинансирование	Бюджетные субсидии; концессии и государственно-частное партнёрство в сфере водоснабжения; инфраструктурные кредиты
I1	Инженерное благоустройство домов (подводка воды и канализации), локальные проекты благоустройства	КРСТ; региональные адресные программы ЖКХ	Субсидии домохозяйствам; проекты на уровне поселений; софинансирование садоводств и индивидуального жилищного строительства
C1	Подключение к Интернету: оптоволоконные линии, базовые станции, линии «последней мили»	КРСТ (цифровая связность); региональные программы цифрового развития; вложения операторов связи	Субсидии операторам на капитальные затраты; ускоренное подключение; упрощённое предоставление земли и сервитутов
Y1	Поддержка малого и среднего бизнеса, коопераций и занятости	КРСТ (занятость и предпринимательство); институты развития (Фонд МСП, Корпорация МСП); льготные займы и гранты	Микрофинансирование; льготные кредиты; гранты на запуск и развитие проектов
S1	Фельдшерско-акушерские пункты, амбулатории, школы, дома культуры; стимулирующие выплаты врачам и учителям	КРСТ; программы Минздрава, Минпросвещения, Минкультуры	Капитальные вложения в объекты; предоставление земли и жилья; подъёмные и надбавки
D1	Жилищные меры удержания: сельская ипотека, служебное жильё	Сельская ипотека (РСХБ, ДОМ.РФ); КРСТ (жилищный блок)	Субсидии по ипотеке (ставка ≤ 3%); создание служебного жилищного фонда

Примечание: составлено авторами.

Заключение

Сформированный в статье анализ демонстрирует, что инклюзивность сельских территорий России представляет собой многомерное явление, в котором количественные показатели тесно переплетены с качественными характеристиками социальной среды и институциональными условиями. Проблема не сводится к инфраструктурному долгу: необходима стратегия, сочетающая улучшение благоустройства, доступ к цифровым технологиям и формирование экономических возможностей. Ключевым элементом становится человеческий капитал: без закрепления в сельских территориях молодых специалистов, предпринимателей и активных граждан любые инфраструктурные вложения рискуют остаться без эффекта. Важной задачей остаётся совершенствование механизмов участия населения в принятии решений – от общественных обсуждений проектов до вовлечения сельчан в кооперативные и инициативные структуры.

Политика инклюзивности должна учитывать различия регионов и муниципальных образований: одни нуждаются в масштабной модернизации коммунальной инфраструктуры, другие – в поддержке новых форм занятости и цифровых сервисов. Международный опыт показывает, что устойчивые результаты достигаются при комплексной координации мер, сочетании государственных инвестиций и инициатив снизу. Для России актуально усилить мониторинг инклюзивности через систему индикаторов, интегрированных в стратегическое планирование, и обеспечить прозрачность реализации программ. Дальнейшие исследования целесообразно направить на разработку интегральных индексов инклюзивности, включающих социальные, экономические и экологические параметры, а также на оценку долгосрочных эффектов цифровизации и институциональных реформ. Таким образом, переход от декларируемой инклюзивности к практикам, ощутимым для каждого сельского жителя, остаётся ключевым вызовом и ориентиром государственной политики ближайших лет.

Список литературы

1. Baranauskienė V., Burneika D., Kriaučiūnas E. Immigration to rural communities – attitudes from inside // *Przegląd Geograficzny*. 2024. Vol. 96. № 2. P. 175–192. DOI: 10.7163/przg.2024.2.2.
2. Сутыгина А.И. Инклюзивный подход к развитию национальной агропродовольственной системы // *Экономика сельского хозяйства России*. 2021. № 4. С. 40–45. DOI: 10.32651/214-40.
3. Полушкина Т.М., Акимова Ю.А., Коваленко Е.Г. Социальные стандарты и инклюзивная модель развития сельских территорий // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2022. № 2 (168). С. 359–383. DOI: 10.14515/monitoring.2022.2.1929.
4. Мирошниченко Т.А., Подгорская С.В. Оценка инклюзивного развития сельских территорий регионов России // *Аграрный вестник Урала*. 2022. № 3(218). С. 83–94. DOI: 10.32417/1997-4868-2022-218-03-83-94.
5. Полбицын С.Н. Роль предпринимательства в устойчивом развитии сельских территорий России // *Экономика региона*. 2021. Т. 17. № 2. С. 619–631. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-2-19.
6. Мирошниченко Т.А. Типологизация сельских территорий России по уровню инклюзивного развития // *АПК: экономика, управление*. 2023. № 5. С. 92–104. DOI: 10.33305/235-92.
7. Козлов В.В. Социальный аспект устойчивого развития сельских территорий России // *Экономика сельского хозяйства России*. 2021. № 9. С. 81–86. DOI: 10.32651/219-81.
8. Коваленко Л.В., Кокурина К.Д., Романов Т.Р. Использование инструментов исследования сельских территорий: практические аспекты // *Труды Кубанского государственного аграрного университета*. 2022. № 101. С. 30–35. DOI: 10.21515/1999-1703-101-30-35.
9. Липатова Л.Н., Кужельная О.В., Строкан Е.В., Пылькина М.С. Современная демографическая ситуация и продовольственная безопасность России // *АПК: экономика, управление*. 2023. № 9. С. 3–16. DOI: 10.33305/239-3.
10. Арбенина Е.А., Яблоновская С.И. Комплексное развитие сельских территорий: проблемы и перспективы // *Вестник Воронежского государственного аграрного университета*. 2022. Т. 15. № 3 (74). С. 156–162. DOI: 10.53914/issn2071-2243_2022_3_156.
11. Трубилин А.И., Гайдук В.И., Головкин М.В. Институциональные тренды обеспечения качества жизни населения сельских территорий // *Труды Кубанского государственного аграрного университета*. 2023. № 108. С. 7–14. DOI: 10.21515/1999-1703-108-7-14.
12. Ваньков И.А. Использование социальной инфраструктуры села // *Экономика сельского хозяйства России*. 2024. № 1. С. 111–116. DOI: 10.32651/241-111.
13. Трунин Г.А., Осокин М.Г. Риски развития малого предпринимательства в сфере сельского хозяйства для людей с ограниченными возможностями здоровья в России // *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*. 2022. Т. 14. № 5. С. 349–367. DOI: 10.12731/2658-6649-2022-14-5-349-367.
14. Рудой Е.В., Петухова М.С., Кондратьев М.В., Рюмкин С.В. «Новые деревни»: к вопросу об устойчивом развитии сельских поселений в шестом технологическом укладе // *ЭКО*. 2022. № 7 (577). С. 169–184. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-7-169-184.
15. Суглобов А.Е., Серегин А.В. Международный опыт развития сельских территорий // *Экономика сельского хозяйства России*. 2024. № 7. С. 136–139. DOI: 10.32651/247-136.